

МИР, ОБОГАЩАЮЩИЙ ДУШУ

Сергея Павловича Залыгина, думается, представлять читателям не надо. Писатель яркий, самобытный, глубоко знающий народную жизнь, он давно снискал признание своими романами «Соленая Падь», «Комиссия», «Тропы Алтая», «Южноамериканский вариант», повестью «На Иртыше», книгой «Рассказы от первого лица», публицистическими статьями, активно вторгающимися в жизнь. Да и только что, будто подгадав к 70-летию Сергея Павловича, вышла массовым тиражом в «Роман-газете» его первая книга романа «После бури»...

— Сергей Павлович, прямо скажем, ваш новый роман мне показался необычным. Даже при всем том, что читатель, знающий вас, привык к неожиданным в вашем творчестве, к многогранности ваших интересов. Помню, как после густого, емкого, образного живописания народного быта, крестьянской жизни, огненных лет гражданской войны, глубинных, непростых характеров «на изломе» в «Соленой Пади» или «На Иртыше», вдруг совсем по-иному зазвучал ваш роман об интеллигенции «Южноамериканский вариант». И вот теперь «После бури» — роман о 20-х годах. Ведь скоро мы наедемся прочитать и вторую книгу этого романа?..

— В течение многих десятилетий меня интересовала история русской интеллигенции. Как она возникла? Какую сыграла роль? Что это были за люди? Отец и мать у меня были недоучившимися студентами. Отца сослали за участие в политических событиях. Потом он служил продавцом книжного магазина, а мать — библиотекаршей. Я наблюдал эту среду долгие годы, в том числе и в 20-е. Отсюда, из этого интереса и возник роман «После бури».

Только что сдал в редакцию журнала «Дружба народов» вторую книгу этого романа. В общей сложности я работал над ним семь лет. Труд был напряженным. Действие романа происходит сначала в небольшом сибирском городке, которому я дал условное название Аул, затем переносится в крупный город — тоже с условным названием. А вот чем кончается роман «После бури», могу сказать точно: небольшим, чисто публицистическим отступлением, посвященным событиям наших дней...

— Возможно, я и не прав, но после прочтения первой книги у меня сложилось представление, что вы хотите разобраться не только во времени изпа, но и в психологии приспособленчества. Ведь ваш «герой» явно не активный участник строительства молодой Страны Советов, — а он мог бы им быть, мы знаем, что он достаточно высокообразованный, человек незаурядного ума. Мне он представляется человеком, который пытается ухватиться за новую жизнь, прицепиться к ней...

— Я не считаю себя историком, социологом или экономи-

стом, который бы рассматривал все аспекты 20-х годов. Но я всегда стремлюсь поставить своих героев в те или иные конкретно-исторические, реальные условия. И эти условия мне необходимы прежде всего для того, чтобы проявить психологию своих героев именно того времени. Поэтому у меня в романе собственно о нэпе говорится ровно столько и не больше, чем мне нужно для выявления образной психологии своих героев. Не больше. Все дело в образах! Корнилов — именно такой образ, который как раз мне и нужен. Он позволил за-

глянуть в разные сферы. Будь он человеком определенной профессии и определенных убеждений, тогда он, так сказать, в определенной сфере и вращался бы и не попадал в разные ситуации, которые мне нужны как автору.

— Куда же повернет ваш Корнилов во второй книге?

— Не столько повернет он, сколько поверну я. Потому я так и закончил книгу, что мне уже нужно было свое собственное, публицистическое слово, а не его. И здесь я выхожу уже на проблемы сегодняшнего дня, проблемы войны и мира, например. Даже цитирую нынешние газеты. Я как бы пытаюсь рассмотреть сегодняшний день с его свершениями и проблемами с учетом нашей истории.

«После бури» по существу состоит как бы из семи самостоятельных романов. И каждая часть посвящена определенному году, начиная с 1921-го и кончая 1929-м. И там ничего нет общего, кроме этого «проходного» персонажа. Мне важно было передать и малоизвестную читателям обстановку, и, если хотите, далеко не достаточно известную психологию иных, скажем так, сословий того времени. Вот почему я и нашел такого героя. В нашей литературе это дело не новое. Возьмите того же горьковского Клима Самгина, который не сам по себе важен, а важно его окру-

жение, важные события, в которые он вовлекается, важно, что он видит вокруг себя.

И, кроме того, начиная роман, я указал в предисловии, что это детектив. Но с нагрузками социального, психологического плана... И, несмотря на обилие нагрузок, сюжет все-таки остается детективным, поскольку герой скрывается под чужим именем, его пытаются обнаружить...

— Откройте секрет: раскроется ли настоящее лицо Корнилова?

— Да, раскроется. Он останется жив и откуда-то напишет очень большое письмо со своим жизнеописанием, с осмыслением и восприятием собственной жизни...

— В своих книгах, мне кажется, вы тяготеете и к философским размышлениям над жизнью. Таковы многие ваши герои. Устинов, например, из «Комиссии». Знаю, что высказывались сомнения в реальности такого «деревенского философа»...

— Я очень хорошо помню деревню 20-х и начала 30-х годов. Еще такого склада, чисто деревенского, крестьянского. Понимаете, там все было свое — квас свой, пища своя — не привозная никак уж! Ну и «философы» свои. Потому, что не могли двести дворов обойтись без такого человека. Он воплощал нравственные начала, пытался их изложить и дать самому себе в этом отчет и поделиться с окружающими. Так же, как есть первый мастер по пахоте, как самая хорошая мать, на которую все другие не стеснялись ссылаться...

Еще, бывало, подъезжаешь

к деревне, а тебя уже вводят в курс дела: «Вот ты приедешь, агроном, так тебя встретит такой-то, такой-то человек. Вот этот чудаков, а вот этот — умница. Ты не вздумай с ним спорить, он тебя все равно забьет при всем народе». И я встречал людей даже гораздо более «философичных», чем тот же Устинов из «Комиссии». Герои, в которых как бы сконцентрированы россыпи народной мудрости, — они есть и в жизни, и во всей нашей многонациональной литературе. Говорю об этом потому, что давно увлекаюсь — как читатель и как писатель — латышской литературой.

— Роман «После бури» закончен, а что на очереди?

— Ну, как вам сказать? Новый роман, но опять-таки неожиданный по форме: я хочу создать что-то среднее между драматургией и прозой.

— В какое время будут развиваться его события?

— Время наше. В этом романе, несомненно, найдут свое выражение проблемы войны и мира, самые актуальные на сегодняшний день. Еще Карл Маркс говорил, что нет такого преступления, на которое капитал не пошел бы, если он получает прибыли в сотни процентов на вложенные деньги. Вещные слова подтверждаются нынче как никогда прежде. И человечество должно сделать все, чтобы обуздать гонку вооружений, предотвратить угрозу новой войны. Долг наш, советских писателей, да и всей честной художественной литературы мира, говорить, напоминать об этом! Собственно, в своем последнем романе я высказываю эту мысль. И, видимо, такой же заряд будет и в будущей книге!..

Беседу записал
Л. ВИНЧИ.